

И. Н. Сулоев,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Костромской государственной историко-архитектурной и художественной
музей-заповедник (Кострома)

**КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В Г. КОСТРОМЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ
И РАЗМЫШЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОК
(НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДА «ДОКУМЕНТЫ»
КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

В статье рассматривается конец XIX – начало первой российской революции в г. Костроме сквозь призму воспоминаний и размышлений современников. Воспоминания революционеров были собраны в разные годы сотрудниками Костромского музея-заповедника и отложились в фонде «Документы».

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., воспоминания, рабочие и крестьяне, участник революции, большевики, экономическое положение.

I. N. Suloev,

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Kostroma State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve

**THE END OF XIX CENTURY – THE BEGINNING
OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION IN KOSTROMA
IN MEMOIRS AND THOUGHTS OF CONTEMPORARIES
(ON MATERIALS OF “DOCUMENTS” FUND
OF KOSTROMA MUSEUM-RESERVE)**

The article considers the end of the XIX – the beginning of the first Russian revolution in Kostroma through the prism of memories and thoughts of contemporaries. Memories of revolutionaries were collected in different years by the staff of the Kostroma Museum-reserve and deposited in the Fund "Documents".

Key words: revolution of 1905–1907, memories, workers and peasants, participant of revolution, Bolsheviks, economic situation.

В 2020 году исполняется 115 лет с начала первой российской революции, что заставляет вновь обратиться к истории конца XIX – начала XX века: обобщить уже изученный материал и проанализировать вновь обнаруженные источники.

За прошедшие годы были исследованы различные стороны начала прошлого века. В тоже время до сих пор остаются не изученными и не введенными в научный оборот документы, источники личного происхождения деятелей революций 1917 г. и Гражданской войны, хранящиеся в фондохранилищах музеев. В советский период собирались воспоминания участников февральской и октябрьской революции, Гражданской войны. Тем не менее, свидетельства современников о первой российской революции и предшествующего периода оставались в стороне внимания историков и краеведов.

В статье ставится задача исследования конца XIX – начала XX века в Костроме и Костромской губернии по воспоминаниям участников февральской и октябрьской революции. Источниковую базу статьи составляют источники личного происхождения, отложившиеся в фонде «Документы» Костромского музея-заповедника.

В конце XIX – начале XX века в Костромской губернии экономика носила аграрный характер, в деревне существовала социально-экономическая дифференциация сельского населения, что отразилось в воспоминаниях современников. Иван Гаврилович Смирнов начинает повествование с детства и характеристики положения своей семьи: «родился в ноябре 1889 года в крестьянской маломощной средняцкой семье Костромской губернии...» и далее добавляет: «приходилось от родителей ежегодно слушать, что своего хлеба хватит лишь до Пасхи,

а до нового урожая придётся покупать или занимать с последующей отработкой на землях богатеев. Нередко приходилось ложиться спать без куска хлеба» [2, л. 1]. Воспоминания написаны в январе 1970 г. и автор чётко помнит и описывает своё тяжёлое детство: постоянную нехватку хлеба, голод. Аналогичная ситуация существовала в семье Ивана Николаевича Смирнова: «родился 10 июня 1893 года в д. Дериглазове, Колшевской волости, Кинешемского уезда, Костромской губернии... Семья родителей состояла из 11 человек, т. е. детей девять человек из которых три сына. С большим трудом отцу удалось нас прокормить до 7–8 летнего возраста, после чего мы уже являлись помощниками родителей... Ходили мы в так называемых домотканых рубашках и подштанниках, которые ткала и шила для нас мать. Это делали все женщины в деревни т. к. готовое мало кто имел возможность купить» [3, л. 1]. В конце XIX века семьи в деревнях были большими. С 7–8 лет ребёнок уже помогал родителям в хозяйстве, тем самым старался облегчить положение семьи. Малоземелье, высокая арендная плата за землю, приводит к уходу крестьян на заработки в город. В 1902 г. Иван Гаврилович Смирнов попадает в г. Кострому, где сталкивается с не менее плохими условиями жизни: «в исключительно грязных неблагоустроенных мастерских приходилось работать по 12 и даже по 14 часов в сутки за зарплату от 2 до 6 руб. в месяц. Спали на голых нарах, на ящиках и скамьях» [2, л. 2]. Владельцы заводов эксплуатировали рабочих, стараясь максимально сэкономить на их быте. Похожая ситуация была у Ивана Николаевича Смирнова: «в декабре 1904 года отец повёз и меня в Кострому к тому времени мне доходил одиннадцатый год... Привела меня сестра в контору и предупредила меня, что как пойдёт управляющий фабрики ... «по фамилии диплом» так чтобы я снял перед им шапку, я так и сделал, а сестра низко поклонилась-жалобно просила: «Господин диплом, пожалуйста, будьте отцом, родным возьмите мальчика братишку на работу дома есть нечего, а сама я работаю у вас на фабрике. Куда такого малыша грубо оборвал управляющий, но когда она заплакала, он подошёл и сказал, ладно пусть работает» [3, л. 7]. Для устройства на работу на фабрику требовались определённые связи. На производстве наравне со взрослыми работали дети 11–12 лет, получая низкую заработную плату. Это отразилось в памяти современников, которые описывали это спустя более полувека.

Тяжёлые условия работы и быта приводят к забастовкам и митингам пролетариата. Старый большевик Ирина Герасимовна Киселёва-Маслова пишет, что «в 1903 году на Солдатской улице часто бастовали рабочие. Они выступали против штрафов и за постройку бани при фабрике Михина. На Кашинской фабрике баня для рабочих была. А на

Михинской не было. Рабочие были грязные, в частные бани их не пускали. От грязи были различные болезни» [4, л. 1]. Рабочие требовали налаживания элементарных условий проживания, ликвидации штрафов. Постоянные забастовки свидетельствуют о желании рабочих улучшить своё положение.

Игнорирование требований пролетариата создавало почву для работы политических партий на фабриках и заводах. Алексей Михайлович Победоносцев в 1960 г. так описывает образование революционных организаций: «первый подпольный кружок из учащихся Костромского реального училища был организован весной 1904 года. Организатором его был большевик Н. Соколов, которому впервые удалось привлечь к работе человек 15–17 из двух старших классов. Сначала он же был у нас и руководителем, и лектором, но вскоре, в качестве лекторов, стали принимать участие талантливые гимназисты Козлов и Арон Залкинд. Наш кружок стал пополняться рабочими и к началу 1905 года кружок уже посещали пропагандисты-профессионалы – учитель гимназии Голубков и Я. М. Свердлов, который проводил занятия с ноября месяца 1904 года по февраль 1905 года» [7, л. 1]. Организаторами кружков были учащиеся, а уже после стали приходить рабочие, которые постепенно вовлекались в революционную работу.

Сведения Победоносцева дополняет Валентин Павлович Долгушев. Первые воспоминания были записаны в 1931 г. в Москве к 25-летию первой российской революции для выступления в музее Революции. Деятельность боевой организации РСДРП Долгушев делит на три периода: «Первый период – до погрома, дальше после погрома начинается второй период – военно-технической организации, которая послужила основанием к созданию Северного Областного технического Бюро, и затем 3-й период – эту дату я считаю с осени 1906 года, с момента ареста штаба боевой дружны, в том числе члена Северного Областного Бюро Волкова и 4 период, который необходимо отделить особо... потому, что боевики составлявшие ядро первого периода с боевиками 3-го периода в вражде» [5, л. 2]. Для нашей статьи представляет интерес описание и оценка первого периода, В. П. Долгушев начинает с 3 ноября 1904 г. – возникновение боевой организации или зачатки её. В этот период «дружина носила рыхлый характер, недостаточно определённый – управлялась рабочая дружина путём случайных совещаний, специально боевых собраний не устраивалось». По мнению революционера этот период «можно ещё охарактеризовать появлением оружия, я бы назвал этот период – период бульдога, преобладающим оружием был бульдог... Конец этого периода – октябрьский погром» [5, л. 4]. В 1930-х гг. Долгушев анализирует события первой российской революции с точки зрения боевика-революционера, теоретика, воспомина-

ния характеризуются стремлением зафиксировать более точные детали. Следующие воспоминания написаны спустя 50 лет после начала революции 1905–1907 гг.: «в 1903 году в Костроме существовали подпольные кружки рабочих, в одном из которых мне довелось работать пропагандистом под руководством Костромской группы РСДРП (б). Кружки собирались тайно, по ночам в укромных местах: в банях, сараях, на квартирах смелых, рискующих собой, сознательных товарищей. Через кружки, руководимые партией, рабочие вовлекались в активную борьбу против царя и капиталистов, готовили себя к вооружённому восстанию, спланировали дисциплинированные отряды» [6, л. 1]. Воспоминания написаны в духе советской парадигмы преобладающей роли РСДРП в революции. Долгушев отмечает ведущую роль партии в деятельности большевиков среди пролетариата. Вместе с тем современник рисует революционеров смелыми и отважными героями.

9 января 1905 г. в Петербурге произошёл расстрел мирной демонстрации. Через несколько дней одна из Костромских газет опубликовала списки костромичей, погибших в столице: «жертвы 9 января. В списке убитых 9 января на улицах Петербурга находятся. Сумин, Иван, 27 лет, крестьянин Костромской губернии, Буйского уезда, Троицкой волости, дер. Дмитринова, торговец. Алексеев, Терентий, 34 лет, запасной нижний чин, из крестьян Костромской губернии, Галичского уезда, Рылеевской волости, дер. Костеля, рабочий Путиловского завода. Большаков Никифор Степанович, 32 лет, крестьянин Костромской губернии, Варнавинского уезда, Танкинской волости, дер. Ларионова, чернорабочий в СПб порту» [1]. Несомненно, костромичи присутствовали на демонстрации 9 января 1905 года, и приезжая домой рассказывали об увиденных событиях.

В воспоминаниях современников отсутствуют сведения о реакции рабочих и крестьян Костромы на «кровавое воскресенье». Киселёва-Маслова И. Г. писала, что «в 1905 г. в январе я болела и не принимала участие в забастовках, которые были вызваны «Кровавым воскресением» [4, л. 1]. Реакция на расстрел рабочих в Петербурге выразилась в забастовках, но об их характере и подробностях Киселёва-Маслова не упоминает. Иван Гаврилович Смирнов описывает следующее: «особый интерес вызвали у молодёжи и события 1905 года. Передать правильно характер этих событий я был не в состоянии, так как сам разбирался в них очень слабо. Но то, что пришлось наблюдать мне лично, я делился с молодёжью» [2, л. 3]. Ивану Гавриловичу было 16 лет и он и его сверстники плохо разбирались в происходящих событиях, но с детским интересом воспринимали происходящее. Другой участник, Иван Николаевич Смирнов писал, что «в 1905 году мне, как мальчику пришлось принимать участие в забастовке вместе со взрослыми – рабо-

чими. Готовится к демонстрации: хранить у себя за пазухой красный материал, который использовался на флаги и плакаты с которыми мы выходили из фабрики, распространяли листовки, воззвания к рабочим и газеты» [3, л. 6/7]. Подростки помогали взрослым, вовлекаясь в революционную борьбу. В этот период формируется поколение будущих революционеров.

В 1950–1970-х гг. сотрудники Костромского музея-заповедника начинают собирать воспоминания костромичей – участников февральской и октябрьской революции. Это было вызвано юбилейными датами: 50 лет первой российской революции в 1955 году и 60 лет – Октябрьской социалистической революции в 1977 г. Особняком стоят воспоминания В. П. Долгушева, написанные еще в 1931 году и уже вновь к 50-летию первой российской революции. В тоже время участники противоположного лагеря оставались в стороне. Сбор воспоминаний был односторонний.

В момент написания очерков участникам событий начала прошлого века было уже 60–70 лет. Это уже были пожилые, воспитанные в советской идеологии люди, и воспринимавшие прошедшие годы сквозь призму социалистического настоящего.

Современники описывали тяжёлое социально-экономическое положение крестьян, постоянную нехватку хлеба, выхватывая из памяти яркие картинки своего детства. Малоземелье вело к тому, что сельские жители уходили в город на заработки. Период проживания в городе рассматривается как эксплуатация рабочего класса буржуазией и как следствие – митинги, демонстрации пролетариата.

Это естественно вело к проникновению революционных идей в рабочую среду. Вот здесь всё-таки участники революции упоминают, что подпольные организации первоначально создавались в учащейся среде и уже после туда вливались рабочие и крестьяне. В 1905–1907 гг. современникам было 15–17 лет и они мало разбирались в происходящих событиях. Поэтому воспоминания больше написаны на основе детских впечатлений. Тем не менее, в целом эти воспоминания дают представление об эпохе и являются дополнением к уже имеющимся источникам.

Библиографический список

1. Костромской листок. 13 января 1905. № 9.
2. Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд. 17419.
3. Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд. 17434.
4. Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд. 17490.
5. Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд. 18986.
6. Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд. 18987.
7. Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд. 18999.

